

ВОСПОМИНАНИЯ.

Двадцать лет прошло с того дня, когда освободили меня из мест заключения. Было это 24 мая 1965 года, Мордовия, ст. Потьма к.х. 385 л/о №7. Осужден был судебной коллегией Московского гор. суда 13 января 1959 года по статьям 58-10(1), 58-11 и ст. I указа п.в.с. от 4 июня 1947 года. Приговор - семь лет лишения свободы.

По делу проходило шесть человек:

1. Солонев - образование высшее; к семи годам лишения свободы.
2. Поленов - образование низшее(начальное), рабочий; к семи годам лишения свободы.
3. Пирогов - образование незаконченное высшее(лит.институт им. Герцена); к семи годам лишения свободы.
4. Укуров - образование среднее, рабочий; к пяти годам лишения свободы.
5. Сергеев - образование среднее, рабочий; к трем годам лишения свободы.
6. Молчанов - образование незаконченное высшее; к четырем годам лишения свободы

Коротко о программе группы:

Капитализм, частное предпринимательство.

Создание общественных организаций.

Демократия с президентской властью.

Антикоммунизм.

Антисемитизм с поголовным выселением евреев с территории государства Российского.

О дроблении России на отдельные государства не было и речи.

Наша группа начала образовываться через два года после смерти Сталина. У нас были желания, стремления, обиды и всё это на чувственной основе. Разумения, понимания было весьма мало. Сейчас, с высоты жизненного опыта не приходится удивляться и стыдиться той неумелости и откровенной наивности, которые присутствовали в нас. Со смертью Сталина, этого не сказать ничего, а явного коммунистического Дракона, закончилась эпоха террора, мрака и животного страха, страха леденящего душу и разум человека. Несомненно, это - попущение Бога человеком в наказание и исправление.

Когда наша группа прибыла в места заключения, нас встре-

тили евреи. Они , оказывается, уже просыпали, что идет этап русских националистов и потом евреи окрестили нашу группу "пугачевцами". Что ж, евреи поняли правильно, да и из нас никто ничего не скрывал из того, что касалось убеждений. У нашей группы не было никакого компромисса с коммунистической властью. Мы не собирались подпирать собой коммунистический режим, а выступали за его ликвидацию, за его упразднение вооруженным методом. Действия же свои начали не с начала, а с конца: с распространения листовок, далеко не закончив своего организационного формирования. Человек, который по своему образованию должен был стать во главе группы, уклонился от этого, спрятавшись за выдвинутые откровенно нацистские убеждения. Солонев, а я говорю о нём, был членом партии, то есть коммунистом. Коммунист очень легко может стать нацистом, потому как духовная сущность того и другого - одна.

Во главе группы пришлось встать мне, Поленову. О себе ничего не буду говорить, самокритики не признаю. Могу лишь покаяться в своих человеческих слабостях допущенных на следствии в комитете государственной безопасности на Лубянке. Я не был готов к такому поединку, меня заполняла природность и страх. Я тогда ещё глубоко не осознавал кто есть коммунист и что есть коммунизм и живым не надеялся выйти из стен Лубянки. Я только как дикарь чувствовал, но этого, как мне потом пришлось понять, было недостаточно. для того, чтобы противостоять напору злых, темных сил, которые используют природность и страх своих подданных для достижения преступных целей.

Поэтому чекистам легко было иметь дело с таким подследственным как я. Мои родители были крестьянами Смоленской губернии, Сычевского уезда, Никодской волости, деревни Большая Осиновка. В результате проведения коммунистами "экономической политики" на селе, семья моих родителей была доведена до крайней степени нищеты. В начале тридцатых годов родители были вынуждены покинуть сельскую местность и переехать в Москву. В Москве поселились в бараках для временного проживания. Жизнь в бараках походила на ад или коммунистическую общину. Обитатели бараков были выходцами или, вернее, беженцами из деревень, из колхозов. Это были люди весьма ограниченные, невежественные. Работали они в артелях по сбору утиля. Из этих людей мне запомнился один, дядя Коля Елисеенков. Он был умный и внешне спокойный человек, который потом умер от чрезмерного употребления алкоголя. В баражной атмосфере проходила

вторая половина моего так называемого счастливого детства. Мои родители никакого участия в жизненном развитии своих детей не принимали, они просто не понимали что это такое. Их обязанности сводились к тому, чтобы как-то накормить, одеть, обуть. С шестнадцати лет пошел на работу. Мать впервые в моей жизнидала мне наставление: "Сынок, идешь на работу, старайся, будешь зарабатывать денюшки." Это наставление причинило мне одни неприятности. Откуда мне было знать, что в душе моей, в сознании моем были заложены стремления не к деньгам, а к чёмку-то другому и это другое привело меня в тюрьму.

Весной 1959 года вся группа, за исключением Солонева, была этапирована на II лагпункт. Мы с Укуровым часто попадали в шизо. Однажды, я вышел из шизо, ко мне подошел Укуров и сказал что нас тут затаскали приглашениями и верующие и политические, спрашивают, предлагают своё. Мы собирались все вместе и мне пришлось сказать своим подельникам следующее: "Не нужно бояться приглашений, надо говорить о себе, а также интересоваться другими, что они из себя представляют. Нам нужно как можно больше познавать самих себя, а также всё, что делается и делалось вокруг нас и не надо держаться кучкой и бояться того, что мы пойдем разными путями. Нам надо держаться вместе только физически, то есть, если кто-либо из нас подвергнется физическому насилию, когда нужно будет защищаться не словами, а кулаками, тогда мы должны быть едины". Заканчивая своё обращение, я сказал, что остаюсь вместе с Юрий Пироговым. Все согласились с моим предложением.

В конце лета или в начале осени 1959 года с II лагпункта нас перевели в лагпункт № 7/1, это была малая зона большого лагеря № 7. Управление ГУЛАГА решило отделить вновь прибывающих в места заключения от военных преступников.

В седьмой-первой свезли многих вновь прибывших, а также верующих. В отношении режима время было нормальное, можно было покупать продукты в магазине на заработанные в лагере деньги, которые находились в лагерной бухгалтерии и готовить пищу в помещении "китайской кухни". Вечерами в жилой зоне можно было наблюдать, как группы молодых людей, сидя за столами или на траве, кушали, пили чай, кофе или какао. Конечно нетолько для того, чтобы покушать и попить собирались молодые арестанты, среди которых было много образованных людей. Они излучали мысли, мнения, за которые ~~и~~ получили сроки лишения свободы. Мысли, мнения, убеждения этих молодых людей были весьма дорогими, даже, если они были и неправильными, но они были

свободными и, что весьма важно, искренними. Каждый зек мог быть членом такой группы и также свободно покидать её.

Тюрьма, лагерь не портят человека. Атмосфера "исправительных" заведений способствует быстрому выявлению тех наклонностей, стремлений и чаяний, с которыми туда пришел человек, а также и кристаллизации всего того, что приобрел и выявил в себе человек. Я не могу согласиться с высказыванием, что человек встал на путь исправления. Для каждого человека имеется только один путь, который назван праведным путем, а рядом, параллельно с ним проложено много путей-паутин. Я благодарю Бога за то, что Он направил меня на ту тропу в человеческой паутине, которая привела меня в тюрьму. Самыми лучшими своими годами жизни считаю годы проведенные в тюрьме. Там познал самого себя и по силе своих возможностей вокруг себя. Те познания и разумения, с которыми вышел за ворота тюрьмы, можно получить и в семье, от родителей, старших братьев и сестер, если в семье будет мир, согласие и большая благодать. И теперь, как и до тюрьмы, я иду рядом, параллельно с праведным путем, а вот на каком расстоянии от него, этого разумения из тюрьмы я не вынес, но я вынес оттуда чувство силы, силы притяжения приведного пути. Если раньше, до тюрьмы, когда меня обманывали и насиловали, я злился, ненавидел, что называется лез на стену, то теперь после тюрьмы, когда меня как и прежде обманывают и насилуют, я возмущаюсь, негодую, но на стену не лезу, она стена сама, но уже только физически, давит на меня, теряя при этом свои жизненные силы, а я приобретаю их.

Я уклонился от повествования моей тюремной жизни, увлекшись рассуждением о ней.

Возвращаясь к временам проведенным в местах не столь отдаленных.

Примерно на год раньше нас в лагерь прибыла группа Краснопевцева-Ренделя. Эта группа состояла из высоко образованных людей. Её национальный состав: она полностью состояла из евреев. Большинство из них скрывали свою национальную принадлежность. Их политическая ориентация: ортодоксальные марксисты, сторонники антипартийной группы, которую разгромил Н. Хрущев. Находясь на 7/1, Укуров примкнул к группе Краснопевцева-Ренделя. Михаил Красильников и Родион Гудзенко стали подтрунивать надо мной о том, что как же это Укуров перешел к марксистам. — Пусть, — отвечал я им, — самостоятельно изваляется в грязи, поймет, а потом очистится. Так оно и произошло. Укуров, уходя из лагеря, полностью освободился от пионерии, от комсомо-

молии и от марксизма. Он стал христианином-православным, верующим человеком.

В зиму с 1959-60 года обитателей лагеря №7/1 этапировали на 3-ю малую зону, а другую часть на 14 лагпункт, отделив при этом верующих. Их оставили на 7/1 и стали подвергать "перевоспитанию". Некоторые из образованных политзеков согласились проводить лекции по атеизму, но большинство отказалось от гнусного предложения администрации. Когда всех зеков завели в зону 3-го лагпункта, произошел интересный случай. Один зек Михаил Баин хорошо имитировал под Ленина. Он забрался на возведение и выкинув руку вперед, картаю произношение, произнес "Товарищи! Революция, о которой говорили большевики совершилась! Что надо этим буржуям?!" - продолжал он, указывая рукой на группу офицеров, стоявших на деревянном помосте у здания вахты. К нему подбежали надзиратели, Баин смешался с толпой зеков, но в помещении столовой, где проводили досмотр вещей, его опознали и уволокли в шизо.

Начальник режима, старший лейтенант Кицаев, был садист. Я отказался работать. Но причина отказа была не только в Кицаеве. Лева Краснопевцев согласился стать председателем лагерного совета. Краснопевцев и вся его группа пошла на открытое и прямое сотрудничество с лагерной администрацией. Заседая в совете, они выносили приговоры таким же зекам, как и они сами.

Кицаев часто морил меня в шизо, но не добившись своего, предложил мне идти работать в больничную зону на водокачку. Я отказался. Тогда он направил меня в лагерный совет. Краснопевцев не стал собирать совета, он пригласил меня в свой кабинет и спросил, не открывая дверей: "Виктор, чего ты хочешь? Ему не удобно было разговаривать со мной и мне тоже было неудобно. Я попросил его: "Отправь меня на штрафной." "Хорошо." сказал Краснопевцев и мы расстались.

В конце лета 1960 года со штрафного меня этапировали на спец-лагпункт. Днем на работе, остальное время - в камере под замком. В камере было человек восемь, попробую перечислить: Алик Голиков из Питера, Володя Тельников, Марьян из Молдавии, Геннадий Укуров, один прибалт, художник, человек очень добрый мягкий, он ни кому не мешал, один грузин и еще один молодой парень и я. И того - восемь. Потом на спец прибыл Игорь Авдеев. В нашей камере было еще место и он занял его. Авдеев рассказал о делах группы Краснопевцева. "Я специально сбежал сюда," говорил Игорь, - "они прямо как надзиратели, лагерная

администрация, — продолжал Авдеев, — ссылается на решения лагерного совета, она прямо говорит: "Ваше же товарищи решают". Пробыв на спецу по несть, десять месяцев, группа зеков была этапирована снять в Бараново на третью зону. Кицаев увидев меня сказал: "Всё прошёл?" "Да, — ответил я ему, — прошёл". Он не стал тиранизировать меня. К нашему прибытию группа Краснопевцева была низложена. Их турнули с лагерного совета. Приехал из Москвы какой-то чиновник и деятельность их была прекращена. Они в знак протеста объявили голодовку. Им пригрозили и они перестали голодать. В помещении столовой 3 зоны я видел человека, который писал агитационные плакаты, это был заказ администрации. Выше среднего роста, черноволосый, черноглазый. Впечатление, которое производил на меня этот человек можно выразить коротко: это одержимый бесами.

Укуров пригласил меня на беседу с одним, как он говорил, верующим человеком. Встреча состоялась. Я не ожидал, что этим человеком будет тот, который писал плакаты в столовой. Кроме меня были еще люди. Встречу отсидел, но больше ходить на встречи не стал. Укурову ничего не сказал о своем впечатлении о человеке на беседу, с которым он приглашал.. Потому как чувствовалось, что Укуров подпал под влияние этого человека.

Весной 1961 года весь контингент заключенных целой 3-й зоны был этапирован на 17 лагпункт. Насколько мне не изменяет память, из группы Краснопевцева на 17 л/п были привезены сам Краснопевцов и Меньшиков. За подлость, которую они совершили на 3 лагерной зоне по отношению к таким же зекам как и они сами, им никто не мстил. Их просто перестали замечать и знать ся с ними. Больше года пробыли в 17 л/о. Работы были, в основном, сельскохозяйственные. Зимой водили на лесосклад пилить и колоть дрова. На автомашинках возили на Вадовский кордон (река Вада), там пилили дубовый лес. Затем в краинице перебирали картошку. Атмосфера в лагере была свободной, режим был слабый. Начальник лагеря Рогачев относился к зекам весьма по человечески. В лагерь привозили много молока в бидонах. И зекам было хорошо и поставщикам сбыт. Будучи на 17 л/п Укуров однажды снова пригласил меня на встречу с Борисом Кирияновым, так звали этого человека, под влияние которого подпал Укуров. Компания состояла из нескольких человек, все они поклонялись Кириянову. Расположившись на траве, Кириянов развернул географический атлас и стал выражать восхищение наличием красного цвета на земном шарике. "Всё наше, — говорил он водя рукой по карте. Я возвратил ему: "Борис, гордиться то осо-

бенно не чем, а с Китаем России в будущем возможно придется воевать.

Моя откровенность и свобода выражать то что думаю не понравилась Борису и больше меня не приглашали на беседы. Летом 1961 года на зону прибыли Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов, Илья Бакштейн. В лагере мне ни с кем из них не приходилось встречаться.

Зимой 1961-62 года Борис Кириянов развязал драку с прибалтами. Причина драки - националистические претензии. Мне было жалко ребят, которых Кириянов подмял под свой дутый авторитет. Я пошел в барак, где была драка. Группа в составе Кириянова, Укурова, Коновалова, Янишкина, Бориса Хайбулина наступала на прибалтов тесня их в угол между кроватями. Вокруг стояли зрители, особенно выделялся Златоверов(Злотвер), глаза его горели радостью, лицо выражало сладостное упование, он ликовал и ждал большего. Группа во главе с Кирияновым действовала вяло. В их действиях не хватало справедливости. С разбегу я вскочил на чемоданы, сложенные на кровате, стоящей посередине барака. Очутившись между зрителями и дерущимися громко выкрикнул: "Прекратите! Борис, уводи своих людей!" Эти слова вывели людей из под иллюзорного авторитета Кириянова. Они все вышли из барака. Драка была закончена. В последующие дни нашлись люди, которые использовали эту враждебную вспышку, начали подговаривать прибалтов выступить против русских, обещая им поддержку. Но к чести прибалтов, они не пошли на это. Один из прибалтов сообщил об этой затее . В этом заговоре активное участие принимали Володя Тельников и Сергей Пирогов. На стороне русских были восточные украинцы и если бы началась большая драка, то прибалты и те кто им обещал поддержку не смогли бы справиться. Но спасибо прибалтам, они в нравственном отношении оказались выше предложений и того что могло произойти.

В ту же зиму был еще один острый случай, когда могла произойти драка, но уже только с евреями. Инициатором этой буки был покойный Юра Машков, Царство ему Небесное. Причина была весьма несущественна. Из-за места, из-за кровати. Машкову нужен был верхний ярус, для того чтобы читать было можно. Обычно стремились занять нижнюю кровать, она была удобней. Только Машков и я вошли в отделение барака, в котором располагался он. Остальные стояли в просторной прихожей, они же должны были ни кого не впускать не выпускать. За столом посередине помещения сидели люди. Один человек подошел ко мне, это был Алик

Голиков, всеми уважаемый человек..Он выразил мне не согласие и возмущение с тем что может произойти. Я обещал ему мирный исход. Пока дело устраивалось, в помещение хотел зайти Гальзберг. Один из находившихся в прихожей взял его за горло и ~~пр~~ прилер к стене, подержал его, после чего он ушел. Дело кончилось мирно. Машков, как будто, получил нужное ему место.

Юрий Машков весьма противоречивая, сложная и интересная личность. Он вместе со своей женой Валентиной стоял во главе антипартийной группы. Группа Машкова была, как и другие группы, марксистской. Если коротко охарактеризовать сущность марксистских групп, находящихся в лагере, а также одиночек, то их сущность сводилась к простому сравнению: Ленин - инака, Сталин - бяка. То есть простейшее, поверхностное понимание фактов и их взаимоотношений. Восторженность чувств, правдоподобие и возможно болезненое самолюбие двигало ими. Юрий Машков - искренний и честный человек, путь его совершенствования был шаток и мучителен. Валентина, его жена, не выдержала тяжести этого пути, она оставила Юру. В поисках самого себя он шарахался из одной крайности в другую и всё на полном серьёзе. Не раз спорили мы с ним. Юра клял Запад, его любимое выражение: "Как на гнилом Западе!" Спор доходил до матеров, с моей стороны.

Я доказывал ему, что это мы, Россия, гниём, сидим по горло в дерьме и что дерьмо накроет нас с головой и только тогда мы начнем отливываться. Юра, наоборот, утверждал, что коммунисты сохраняют Россию от тлетворного влияния Запада. Одобрял он коммунистов и за то, что они, якобы, ведут борьбу с евреями. От себя я говорил ему, что марксистская идеология - это материальное, чувственное произведение самих евреев и даже, если в России не будет ни одного еврея, власть в России будет марксистско-коммунистическая. Она рассчитана для таких дураков какими были наши деды, отцы и мы с тобой, а негодяи и подлецы всегда и везде найдутся, чтобы толкать чернуху наивным и доверчивым людям, которые потом кое-как поняв, что их облапошили, окажутся в таком же положении, как сейчас мы с тобой, в концлагере. Машков слушал не перебивая, но стоял на своем. Смысл спора сводился к тому, что для образованного человека крайность болезненность самолюбия, должны быть факторами способствующими познанию, а не его сущностью. Сам я еще не знал тогда, что люди, получившие советско-коммунистическое воспитание-образование, в большинстве своем подвержены социально-нравственному заболеванию. Юрий Машков за свой короткий жизненный путь по-

борол болезнь, привнесенную в его сознание. Лагерная среда и обстоятельства способствовали излечению от заразной болезни. О Машкове можно писать очень много и содержательно. Машков - это явление духовное и ~~и философское~~ социальное. Многих же способностей для такого описания явно недостаточно.

Была еще третья группа столичных антисоветчиков, это группа Виктора Трофимова. Она тоже была "розовая". Так называли в лагере те группы и отдельных людей, которые в своих суждениях опирались на марксизм. Лично сам о Трофимове сказать что-либо не могу. Мне с ним общаться не приходилось. Некоторые говорили, что он подражает Ленину.

Из лагеря я освободился прямо с камерного режима. Майор Агеев спросил меня: " деньги на дорогу у тебя есть?" "Нет," - ответил я ему. "Как же ты поедешь?" "Я буду просить милостию Христа ради", - ответил я Агееву и продолжал: - "Вид у меня для этого подходящий, буду иметь успех." "Пиши заявление на 10 рублей", - зло сказал Агеев. Я написал, мне выдали деньги, одну банку мясных консервов, 150 гр сахарного песку, буханку хлеба. И с мешком за плечами, в поношенной лагерной форме вышел я из лагеря через проходную. В Москве, когда я проходил по улицам, милиция не спрашивала у меня документы, им было невыгодно, они отворачивались. А мне было легко и спокойно под лагерным бушлатом и в самом бушлате я нес великое богатство: понимание того, что есть коммунизм и кто есть коммунист...

1985 год.

Голосов Виктор Семенович.